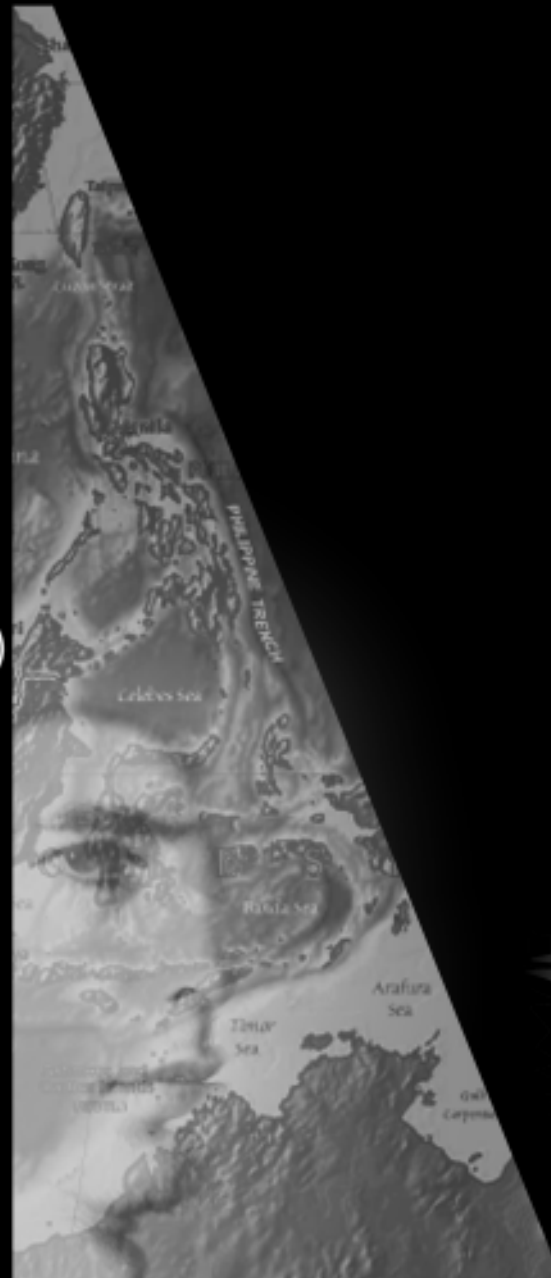

Евгений Поспелов

Острова ветров

Евгений Пospelов

ОСТРОВА ВЕТРОВ
художественные тексты

посвящается моей матери

Москва
2001

Когда пчелы венценосных садов, сады ароматных ветров, ветры шептаний моря, моря шелелеста за окном нахлынут и разломают перегородки Души - Она, затосковавшая по этому миру, обретет его прикосновеньями и созерцанием красоты.

Человеческая жизнь успевает вместить объемы вечного - постижение бога, тщеты бытия, томления духа. Тайна мира, ее образы и воплощения пронизывают нас как гравитация или ток Луны. Поэзия - качество мира, которое становится Переживанием, поиском симметрии и нарушением ее в сторону света - смещением к Лету, где острова ветров проступают в нас нашими чувствами и начинают движение.

Художник явлен нам как живая этика отношений с духовным, способ наполнения низкого бытия высоким поиском истины. Художник преодолевает ближний мир как ребенок, влезший на подоконник, чтобы выпрыгнуть в сад.

Поэзия! не столько литературная форма, а форма осознания - проявление в нас высокого, паутина сосудов-лабиринтов, ведущих на верхние этажи наших чувств. Практические занятия души по освоению полета. Прорыв через человека (обладателя Жизни) невыразимого содержания вселенной - расширение этой вселенной на величину каждого нашего чувства.

“Я ищу человека, который станет для меня
окном, распахнутым к морю”
А.С.-Экзюпери. Цитадель.

Острова
ветров

Однажды в июльское утро
я заметил
 в синей прохладе небес
золотистую отмель

и с тех пор я плыву к ней.

Кто помнит скворца,
пропевшего прошлой весной в саду
Лишь человек несет в своем сердце
как в торбе для счастья
память
о лучшем.

Брату

Без атласа
 чувств,
 не зная ландшафта и нравов,
 легко потеряться в женщине,
 на которую ты ступил,

 в аметистовой свежести ее морей
 ты встретишь время

 и, как чудесная рыба-мгновенье,
 будешь выбрасываться на ее берега,
 оплетаемый болью
 рубцов-морщин
 от ее рыбацких сетей,

 и в конце ты останешься
 только в ее сердце -
 но даже с атласом ее чувств
 я не знаю где это.

Высокие чувства уходят из нас-крепостей,
 Их подвиги нам не нужны.
 Но кто посмеет в них бросить упрек -
 недосягаемы спины творцов
 человеческой красоты.

 С волненьем смотрю с обочины жизни
 на уходящие спины
 светлых царей -
 на редкие отблески света
 в нас,
 погрязших
 в грабежах
 своих царств.

Портовые флаги, обтянувшие ветер
 как юбки портовых красоток...
 Их воздушное трепет-биенье,
 влажное
 полное волн, ударяющих в пристань,
 в борта кораблей,
 в грудь моряков -
 хлесткий звук раздираемой ткани
 над обнажаемым
 миром страстей...

Окно над морем.

Я чувствую глазами -
 где-то остров
 на море с избытком берегов и темнокожих
 оливковых теней
 по склонам.

Я там сбегая вниз
 по известковым тропам
 к беседке,
 где на каменном столе
 оставлен завтрак для меня гречанкой -
 кувшин и хлеб

Вот так найти себя!
 на дальних островах,
 где зной и ветер с тебя до камня
 обдирают плоть.
 И ты - лишь чувство отснятое в альбоме,

а утро гор, оливковая роща
 и кобальт волн -
 как будто не твое в распахнутом окне
 воспоминанье...

(Триптих Лето)

Прочешь откровенье глаз -
внезапно наткнуться на лето
 где каждый раз
 приготовлено все
для любви:
птицы чистят перо
для дождя нагреваются воды
цветочницы звонко стоят на углах
ветерок продувая легкие платья
 полон замыслов

Мы танцуем однажды любовь

все меняет свои очертанья
сходит с мест
будто мир отворяя глазами
мы танцуем
однажды-любовь.

(Триптих Лето)

Еще не проснувшись -
сойти
тропинкой мимо пионов
в утренний свет
пожелтевший от солнца
 как книга
неся осторожно в себе
пригоршню сна
чтобы сон мог укрыться в листве
 июльского утра.
Коснуться лозы
и теплые звуки шмеля оставить с собой

И чутко из трав оглянуться -
на дом где спишь до сих пор
золотисто-укрытый
лучом
в объятьях влюбленного лета.

Так часто - теряешь ключи,
перед дверью стучишь по карманам,
а там только смятые страны
страниц

так часто
где сердце - стучится прибой,
хронометр волн, бросающий тину времени в камни.

Бесконечные вещи в руках происходят
и длятся всю жизнь

а ты без ключей всё стоишь перед дверью,
и если открыть ее, то не поймешь -

дверь открылась наружу из комнат телесного к ветру
или с улицы вступишь, где за спиной
остается весь мир.

(Сонет) о любви

это как сон не сходящий с лица
это как жажда не отступает надолго
это как ночь застает в пути
это как рыба выскальзывает из воды за добычей
это как последнее королевство среди нищеты
это как ветер что всюду срывает старье
и несет острова через море -

это там где меняют нам имена
это там где немногим дано оставаться
это больше чем умереть или быть
это то что нельзя удержать
как сердце у птицы
как осень бегущую садом
как сон.

Бессилен поток
унести по течению
разбивая о камни лицо
моего отраженья.

Изваяньями волн
застыли прибрежные скалы.
Только время легко в них течет.

Прибой исполненный в камне.
Дворцовый ансамбль
из песчаника волн -
как иное застывшее время.

И кажется - будет тот миг
когда камни оттают
сдвинутся в брызгах
и понесут свои воды
в каменеющем времени
в никуда.

По-московски снежный апрель.

Как душа далеко! -
на одном из своих островов,
где мотель мотыльков
 расцветает кустом олеандра
и лениво тычется бриз
 в лепестки парусов
где причалы - всего лишь террасы
 случайно продленные в море
а по склонам
лежат диадемы из ящериц
сонно украсивших лбы валунов.

Там бежит по растресканной глиняной тропке -
по черепице - по кровле согретого мира -
солнечный луч

Мать-и-мачеха,
ландыш-лесной уже слышат его приближенье,
Ветры полные птиц
подступают к болотной столице -

поздно! думать о грустном:
о мутном дне у окна
где сугробов глазурь.

Разглядывая ветер
играющий страницами
попробуй удержать
миг неги - когда день влажен
 в кусте китайской розы
и сладок горечью оранжевых пространств
над морем угасающих...

Что сердцу говорит рисунок неба
в закатный час ? -
 немыслимое
не облаченное в одежды мира...

Набегая волны шарят в камнях
что-то разыскивают...
Камни - в молчании
и только раковины
спешат выболтать..
Это они - наши отраженья
по ту сторону моря
ибо кости у них
снаружи...
Часами
чайки кричат в руинах дельфина
ветер вминает брюхом волну..
и жизнекрушение -
всего лишь остов рыбы
на берегу
запнувшегося времени...

Еду к тебе,
вспоминая вкус давнего утра,

сбросив муравьев времени
разваливших Акрополь любви,
я везу плотный глагол п р о с т и,
чтобы разбить тень между нами
и озарить утро твоей улыбкой -

Я еду
мимо знакомых окон и знаю
что мне не остановиться.

Мост
через
океан

Мост через океан.

Человек, с которым ты делишь свой мир
или подушку, счастлив ли рядом?
Пока длилась любовь у него постарели руки,
но в них ты находишь себя,
имя его - слово чтобы согреться,
оттаять от боли.

Он - утро, ставшее жизнью,
мост, который ты строишь впрок от себя.

Будет день, когда ты взойдешь на него
с берега Странствий.
На мост, отстроенный сердцем.
Он соткан из каждого дня,
в котором ты нес тепло и заботу
к тому, кто с тобой до конца...

я хочу чтобы каждый почувствовал
как погружаются в вечность
корни опор под мостами

там, за смертью,
мы по ним перейдем пустоту к тем,
кто жил с нами здесь любя
отстраивая день за днем
свой мост через океан.

В дальней дороге.

Дождь на плечах
словно легкие пальцы
остались
прощаясь.

(эскиз 2)

Я радуюсь новым ботинкам -
везет мне! что обувь не вечна,
как счастье женщины,
что отвела лепестки рта от меня.
Я рад распятым
на мачтах мечтаний
как крестикам птиц в небесах.
Вот она - бытия бронза
отлитая тобой по тебе!

Горсть за горстью
глота в воздухе пыль наших слов,
поднимаюсь в ладони листвы,
разминая подошвы
с песенкой о скоротечности
красоты:
И все что со мною - не вечно.
И все что не вечно - со мной.
Иду себе по дороге,
и солнце мое впереди,
и новые ботинки
жжмут удивительно!

£ £ £

Скрипичный ветер под смычком ночей -
как всхлипы приглушенные в подушку,
как смех с шептаньями,
как звуки страсти, стон,
как вой щенка, зовущего хозяйку,
но где она забылась с женихом...

Из сердца бриз в распахнутом окне,
когда ты ждешь и ждешь, и знаешь - тщетно.
Когда рассвет приходит незаметно
как светлый звук блуждающий во мгле.

На лунных шоссе в никуда,
на тропах любви каменистых
я шел без приюта без родины сердцу

Был сон не глубокий,
и ношей моей были книги семи мудрецов.
Каждым из них я был очередно.
Но глупость свою я собрал бы в моря,
в небо весны
и во все голоса,
когда-либо звучавшие здесь

Так, обретая в дороге каждую пядь мироздания
под шелест стрекоз раскаленный,
глупостью всюду объят, и несущу
крупинки мудрости
как узелки, связавшие нити бессвязного в прочный
сюжет бытия.

А. Шевченко

Вслушаться в голос
что флейтой в тебе поселился -
в катакомбах беспамятства -
там брошен искрящийся факел озарений -
костры лепестков в водах сердца -
путь к лотосу в хрупкой джонке сознания -

нежность и гнев творцов -
все начала в одном гиацинте.

Яблони.

Старик, ходивший в поклоне земле, окапывал сад
лопатою ладоней. Он умер.

Стиснутый камнем трущоб, сад загрубел,
в неухоженном корне его иссяк аромат.
Удивительный дед, никогда не сорвавший плодов.
Не заметил никто его тихую поступь.

Только дети
долго и чутко взрослея бархатистыми глазками
щупали между листвы пустоту.

Кто мы, что бы о нас говорить? -
выбираясь из куколок и зачерстев в мотыльков,
всю жизнь налетаем на стекла
светильников -
Рои светляков, натыкающихся в полете на свет -
друг на друга.

Тихий ручей разрезал дорогу.
Переступить не решаюсь
на ту половину.

Под тонким льдом в серебряной кольчуге
проходит рыба.
Как хорошо быть сном
 под тонким льдом забвенья
в сверкающих доспехах немоты.

Время
Копе

Время Кофе.

Гаглюеву М.Г.

В кофе подмешано время.
А рядом нет ни-ко-го.
Отравлено смотришь в себя
мимо прохожих,
освободившихся ото всего,
что тебя так постыдно гнетет -
от бесед с Незнакомцем,
от смиренья,
от страха друг друга терять,
от стыда говорить еле слышные вещи...

Когда это все
так неловко с тобой происходит,
могу предложить в утешенье одно -
 час
за чашечкой кофе.

Зачем надевают телесность -
В какой костюмерной
 скроен этот непрочный скафандр...
Вопрос ли - что прах в нас,
и где очищенье от грима гримас
 и талька толковости...
Душа смотрится в зеркало
и видит всегда не себя.
Она поднимает руку, находит лицо...
и понимает -
это ловушка.

Ищем выход из смерти,
но заперта дверь, и в ночи
как смех в убегающем ветре
бряцают наши ключи.

Если с тобой любовь,
о чем жалеть...

Утром укрась лоб и ладони
светом -
найди его.

Всему суждено умереть,
но переход к чистому звуку
строится ныне.

Пусть неритмичны слова
извлеченные в миг пробужденья.
Пусть неуместны руки
перед не-хлебом-насущным.

Нет выбора нам
любить.
жизнь сама по себе -
ожидание встречи.

Как сладко проснуться с надеждой:
сколько всего предстоит! -
Воскликнуть неосторожно
спросонок с утра на рассвете
еще не продрав глаза
это необоснованное предположенье.

Бойко вышли дешевые газеты
и дорогие чиновники.
И я очнулся с градусником у сердца -
с чувством что зазвонило во мне как будильник:
пора! в причудливо-тесную кофейню
полную беспризорных поцелуев
чтобы забыть на час всемирную историю
и погрузиться в чтение
собственного сердца.

Труба - как известно, кофейня
под площадью Революции,
где люди всегда при своем,
дурачат желудок и время
за чашкой печального кофе.

Я захожу убедится
в любимых и отлюбивших,
но прежде всех прочих - в себе,
в заклиненном постоянстве
сюда заносимой земли...
где дама с истерзанным ртом
попросит небрежно на кофе...

Здесь не о чем больше просить.
и в этом есть смысл для стоящих,
застрявших здесь - каждый в своем
нескончаемом кофе...

Воскресенье.

Стук капель в окно - это утро
пришло скоротать себя со мною неподалеку
в кофейне,
где особенно застреваешь
в рукавах разговора
или молчишь за отсутствующих...

где в кофейном зерне
столько латиноамериканской прозы
что думая
о жасминовом ветре тела женщины
забываешь о себе
навсегда...

Яблоко говорящее,
кто сказал тебе, что ты наг?
мельчайшее, отпавшее от спасенья,
взгляни на себя -
червереньковый транс,
мельтешенья и судороги,

на этих мозгах из семечек страха
можно только озираться
и раскачиваться
 раскачиваться
пока не сломается мир...

и, когда ты глядишься, не узнавая себя,
в прицел микроскопа,
 и палец твой на курке,
я думаю о том, кто так хрупко и неуместно
сотворил тебя.

Как парусник,
идуший с моря к дельте,
границы жизни все яснее вижу.
Спеша к истокам сердца в хлестком ветре,
люблю сильней
и меньше ненавижу.

Архипелаг
облаков

Лавры.

Тассо увенчанный к смерти -
в руках тюремные мыши,
в глазах огарки свечей.
Он слеп и жует пересохшие лавры,
плюет неуместную пряность в дерьмо -
ему по вкусу
 плевать
 в сторону палачей.

Скамья.

Умолкла флейта вокзала,
рассыпав контрапункт голубей
в пыльные розовые кусты - в небеса,
где с мертвым Парижем в зрачках
бездомно забылся Вальеха на скамейке
 так далеко отстоящей от Лимы
 и так грустно навсегда.

Песни
цветущей
сливы

Китайская ширма.

Ютиться под стрехами еле живая
воробьиная стая...

Сосет с наслажденьем льдинку мальчишка,
не заметила б няня.

К пальтишку приметана рукавишка,
чтоб в снег не упала.

Всюду холодом выжжена перспектива,
но от тихого света
на старой ширме цветет моя слива -
прорывается лето.

1980

Улетая.

Пора любви и увяданья -
аллей осенних желтизна.
Повсюду шорохи прощанья -
листвы паденье, взлет крыла.

Бледна испуганная кожа-
летит встревожено весь мир,
и стеблю тела невозможно
сдержать распахнутый порыв.

Нет тождества осенней шири!
И кажется, над ней кружа,
сорвется жизнь свинцовой гирей
и к небу выпорхнет душа.

Глаза картофеля срываются с ножа.
Зарезанный петух безжалостно проварен.
И с луком кончено... ты вся в слезах!
О мир жестокий! кухонь и пекарен.

Флора и фавн.

Лукавый сумрак теплыми ноздрями
едва касался обнаженных плеч.
Сдавались бедра, и входило пламя,
как будто в сердце погружали меч.

Не по желаньям раскроились годы.
Ах если бы!.. и в этом весь обман,
когда мы скрипку просим у природы,
но дальше тащим скучный барабан.

Кто б ты ни был - заходи,
раздели наш ужин.
Не один - так всех веди -
хватит в доме кружек.

Выпьем горечь без хулы,
хлеб молитв разделим,
на дощатые полы
мирный храп постелим.

Бездумно и небрежно трачу годы,
живое рву, стяжаю миражи,
швыряя на карманные расходы
так долго собиравшуюся жизнь.

Дитя не медли!

Твой день душист и выпечен искусно.
Дари, не медля, не скупясь - до крох.
Черствеет время. Высыхает мускус.
И в горле стынет каменный пирог.

1978

Мороз под выкрики ворон
кладет на окна плотный иней,
где в лепестках прекрасных линий
читаю знак: приговорен.

Коснусь дыханием стекла
сказать тебе как все постыло.
Но вместо слов зияют дыры
и капли мутные тепла.

Не отогрело никого
мое тепло, не приютилось.
И одиночество с зимой
под фугу вьюги обручилось.

(сентябрь)

Пустеют гнезда, и объеден
огрызок лета в полдень бледный,
над ним листва желтеет медью
и карп в пруду продрог.

Бледнеют лица с каждым утром
от талька тени, мира пудры,
и грим слойтся с маски мудрой,
да и она не впрок.

Но все же радостно кому-то,
что нет обычного уюта,
что в душах горсть дождя и смута,
как в лужах у дорог.

Падший.

Ночь и День -
 мерцающий отблеск жизни.
 Пальцы - обрывки мольбы к тебе -
 высохли в шумные перья.
 Красным моллюском сердце
 твое затаилось в броне
 ороговевших традиций
 поросших камнями проклятий.
 Совесть-пожарник тушит
 букет сладострастья во мне,
 мачтовые мечты перекусываются муравьями...
 Падает
 грязной посудой подпорок лишненное небо
 печального благородства...
 Ладони разбиты дождем.
 Ручьями из них убываю, как с веток
 ссыпается лето,
 и шествуя вдоль побережья,
 сшибаю моллюсков крылом.

Играет утро в лист усталый,
 Да с самого утра
 Погода балуется ставней,
 Пугаясь от хлопка. -

Прошло невызревшее лето.
 Вновь комната пуста.
 Озябшими лучами света
 Разглажена стена.

Мадера льется сочным ладом, -
 и зрелая тоска
 ссыпается журнальным хламом
 под шелест сквозняка...